

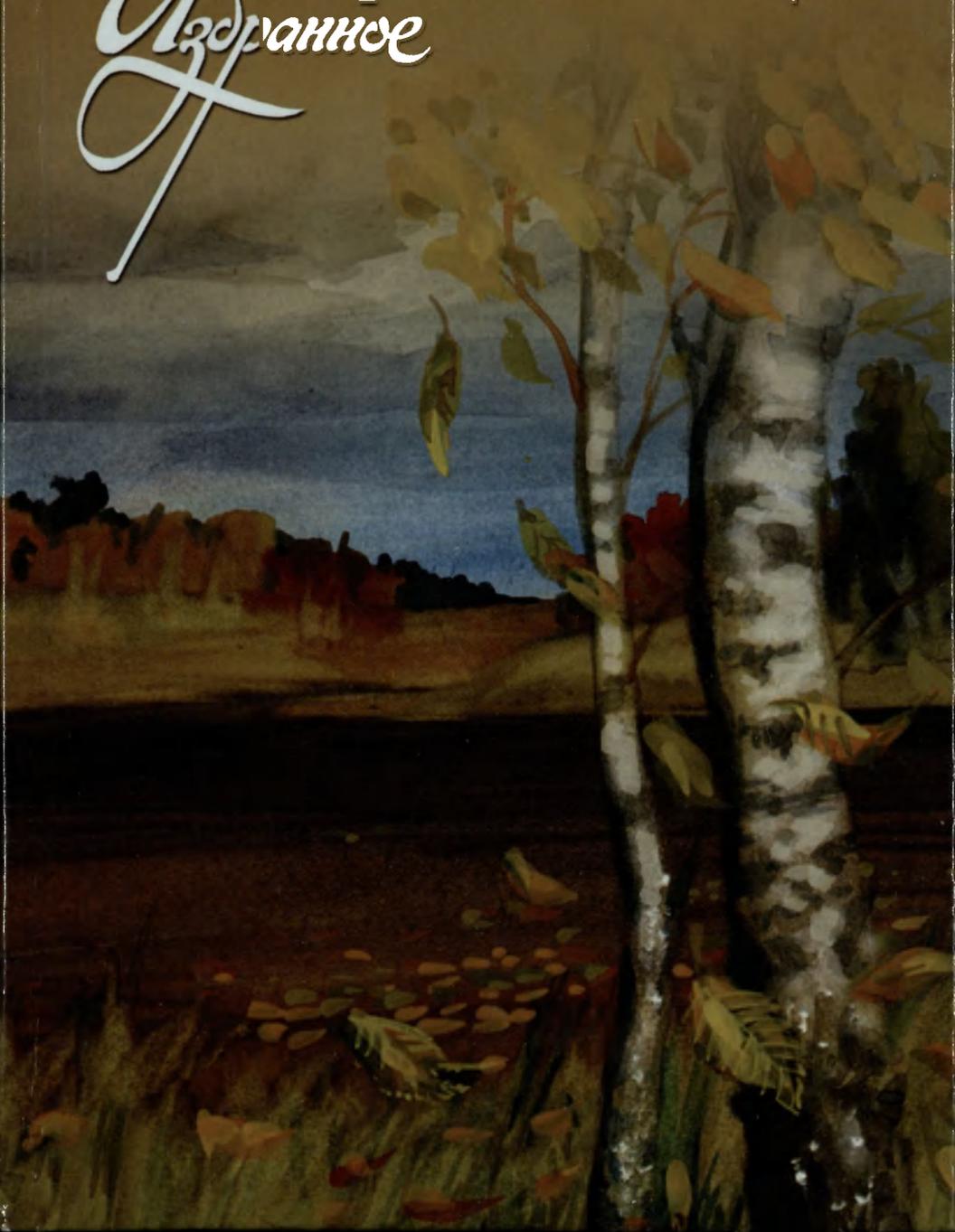
кв.09(ЧУБ)

СЧЗ

к-58060

Юрий СКВОРЦОВ

*Зоранное*



## ЗИГЗАГИ СУДЬБЫ МАСТЕРА

**П**розу Юрия Скворцова, писателя с уникальным дарованием, отличает чеканное совершенство художественной формы, знание глубинных тайн человеческой души.

Несмотря на сложившуюся к середине 50-х годов прошлого столетия благополучную для развития литературы атмосферу, Ю. Скворцов сумел войти в литературу и найти в ней свою нишу не благодаря, а вопреки идеологическому диктату и засилью критики. Намертво замороженный в результате долгой и беспощадной борьбы с местным «национализмом» тончайший культурный слой художественной интеллигенции слишком вяло оттаивал в лучах «хрущевской оттепели», так как у нас в республике орудовали более «железные» марксисты, нежели сами основоположники учения. Может, не зря родилась фраза: «Если в Москве волосы стригут, то у нас рубят головы».

Тем не менее, 50-е годы явились неким рубежом, где намечился небывалый подъем литературного развития, причем это заметно во всех жанрах. Ю. Скворцов, несмотря на молодость, в литературу пришел почти одновременно с писателями-фронтовиками А. Артемьевым, В. Садаем, В. Алендеем. Это было поколение двадцатипяти-тридцатилетних. Скворцов же, не имея в багаже «окопной правды» и опыта войны, располагал живыми наблюдениями жизни тыла, а законченное высшее образование дало ему богатый запас основательных знаний русской и мировой литературной классики. Он был на редкость начитанным писателем. Но что при этом примечательно, в отличие от прозы А. Артемьева, которая изобилует явными заимствованиями, «литературщиной» (как смягчали критики, «учебой у классиков»), уже первые прозаические опыты Скворцова свидетельствовали о том, что это — явление

К34.09(438)8-444

самобытное, произросшее на корневой почве, а художественный мир произведений населяли по большей части герои с какой-либо отметинкой, не совсем похожие на других, «нормальных», нередко замкнутые. К тому же, если, скажем, А. Артемьев при создании положительных героев (Саламби, Алмазов) предпочтение отдавал светлым, мажорным краскам и тонам, нередко используя прием лобовой идеализации, то героев Скворцова постепенно озаряет неяркий внутренний свет, легкое дыхание, они необычайно чутки к природе, хотя в глазах обывателя могут выглядеть ущербными, даже неполноценными. Если далее проводить параллели и вспоминать судьбы произведений А. Артемьева и Ю. Скворцова, то надо сказать, что творческие поиски первого, писателя тоже интересного, но более удачливого, были оценены текущей критикой очень высоко, если не сказать — захвалены, а скворцовские открытия, по-настоящему оригинальные, долгое время оставались «неузнанными», нерасшифрованными системами знаков. Дело в том, что А. Артемьев кодировал свой текст, согласуя его с установками «социального заказа», а Ю. Скворцов тайну творчества искал в самом Слове. Его символы нередко бывают двусмысленны, обманчивы, требуют напряженного, вдумчивого вчитывания в текст, и такая двуплановость изображения рассчитана на активность восприятия. «Двуслойным» предстает, к примеру, образ Васи, человека с поющей душой в рассказе «Вася-певец». Более того, Скворцов, идя от почвы, гуши жизни, сумел открыть совершенно самобытные типы народных характеров, чем в ряде своих произведений предвосхитил воссозданные В. Распутиным коллизии и жизненные ситуации. Тот же герой рассказа «Вася-певец» (датирован 1957 г.), необычайно одаренный природой юноша, похож на младшего сына старушки Анны из повести «Последний срок». Только чувашский прозаик открыл его раньше. Судьба этого таланта драматична, но кто же все-таки виноват в том, что он останется невосребованным и нереализованным? Скудные условия деревенской жизни? Природная стеснительность и замкнутость юноши? Автор немногословен, но между строк, несколькими фразами, дает понять, что Васе жалко старую мать оставить одну и уехать учиться. Поэтому он готов пожертвовать иногда мгновенно находящими на него порывами вдохновения, желанием сочинить волшебные ме-

лодии и растворить душу в природе. Да и старшие братья настаивают на своем. Сами они устроили свою жизнь, карьеру, чувствуется, что всем довольны, сыты, благополучны, теперь остается только «жалеть» мать издалека да наставлять, учить уму-разуму младшего, неразумного.

И все-таки в конце концов не выдержал, взорвался даже такой тихий и скромный парнишка. Но с какой психологической глубиной и убедительностью, шаг за шагом подводит автор своего героя к этому поворотному в его судьбе событию, когда он разрывает замкнутый круг. До этого его робкие, мучительно сладостные попытки раскрыть Вале свою душу, произнести заветное слово признания, наконец, доказать ей, что он вовсе не таков, как о нем в деревне многие думают, не увенчались успехом. Они оба достойны друг друга, хотя девушка вчера еще думала, что Вася — неотесанный, его духовные запросы ограничены и уж, во всяком случае, он явно проигрывает на фоне столичного студента из соседней деревни. Взять хотя бы эпизод встречи Вали с упомянутым студентом на лоне природы. Не капризное ли это желание дочери Евы вонзить жало в душу и без того страдающего парня и пробудить в ней еще и муки ревности. Видимо, это ей удалось. Психологически емкий образ яблока (архетип) возникает здесь тоже не случайно, он ассоциативен.

Но к Вале все-таки приходит «пробуждение»: женская интуиция, пройдя полосу сомнения, через игровую ситуацию с выбором женихов, пришла к верному решению: как она ошибалась в своем мнении о прекрасном парне! Подобная счастливая развязка не очень характерна для произведений Ю. Скворцова. Героиня повести «Берега Угах» уходит из жизни, не дождавись возвращения с войны своей первой и единственной любви. Также не склеилась любовь Саньки и Сухви из повести «Девушка с берегов Сормы». В каждом из этих случаев имеют место и психологические перипетии, в жизнь героев вторгается и слепая воля традиций, слухов, сплетен и т.д.

Сегодня нам кажется, тот факт, что каждое новое произведение писателя встречалось критикой в штыки, подвергалось разносу, наоборот, укрепляло ищущего художника в правоте своих догадок, прозрений, интуитивных проникновений в человеческие характеры, в выборе новых художественных средств и приемов. Мастер посте-

пенно приходил к убеждению, что критики, дающие установки и без конца поучающие «как писать», «каких героев изображать», а главное, призывающие отражать окружающую жизнь «такой, какая она есть», обладали неглубоким, поверхностным зрением и исходили не из подлинных законов художественного творчества, а из конъюнктурных соображений. А задачи художника, скорее, связывали с копированием реалий действительности, с натуралистическим жизнеподобием, хотя при этом сыпали фразами о революционном развитии, идейности и т.д. Отсюда и понятно, почему авторы оперативно бойких, монотонно осуждающих рецензий, «не узнавали» в образах Ю. Скворцова самых простых, любящих, мечтающих, трудолюбивых, честных и скромных людей, каких множество на земле чувашской, а картины природы, пейзажи автора казались им нарочитыми, неестественными. Хотя отметим, герои Ю. Скворцова действительно не совсем обычные люди, они тайно мечтательные, а душевную или физическую боль, сердечные порывы склонны проявлять и выражать не прилюдно, а чаще всего наедине с самим собой, природой.

Природа, изображение ее внутренней, тайной жизни, куда могут заглянуть только люди с тонкострунной, поющей душой, такие как Угах, Славик, Вася, Паня, Санька, Герман и некоторые другие, — особая тема в творчестве автора. За редким исключением герои Ю. Скворцова, как правило, тонко чувствуют природу, в ее объятиях заживают душевную рану, снимают физическую и психологическую усталость. Неизбывное чувство присутствия природы-матери, извечная тоска по ней для героев писателя являются важной духовной опорой. Зеленый лес и колосющаяся золотая нива, родничок, затаившийся в густых зарослях осоки, трели соловья и луговые фиалки — все помогает восстанавливать нарушенную гармонию в душах людей. Героиня повести «Береза Угах» не раз признается, что лес для нее — словно самый близкий человек, ему она в минуты уединения доверяет самые сокровенные мысли и мечты и даже затаенные в глубине души песни.

Но не только для героев, также для самого автора природное начало является своеобразным камертоном, мерилом ценностей, человеческих качеств. Нельзя не любоваться удивительно пластичной и одухотворяющей палит-

рой писателя, мастера, в совершенстве овладевшего искусством живописания словом. Возможно, это качество прирожденное. Оно придает повествовательной манере автора объемность и многомерность, благодаря чему читатель вдруг начинает чувствовать запахи, дыхание живой природы, слышит голоса и звуки, которым раньше не придавал значения. Вот, скажем, вдруг Угах свалил коварный недуг, и прежде всего для самой девушки, а затем и для близких стало ясно, что она обречена. Чувствуя близость смерти, Угах собирается в последний раз пройти по знакомому с детства лугу, выйти на простор полей, дойти до леса и полюбоваться красотой полян... Понимание конечности и временности отдельной жизни здесь как бы смягчается и уравнивается осознанием вечности Природы. Более того, автор как будто чувствует вину перед читателем за ранний уход героини. Угах словно все окружающее видит впервые — все эти луговые цветы, еле заметный летний теплый дождь, вся умиротворенная природа и все, все останется и будет радовать людей и после смерти Угах. Автор показывает свою героиню, говоря словами философа-экзистенциалиста К. Ясперса, в «пограничной ситуации», когда человек обретает «неземное» зрение (так царь Эдип обрел глубинное зрение после самоослепления). Угах обречена, между тем ей только девятнадцать лет. Вообще, идея абсурда, в середине XX века широко культивировавшаяся западной философией и литературой, думается, если была не близка, то понятна Ю. Скворцову. Некоторые образцы «экспериментальной» прозы писателя («Светлые дни», «Девушка с берегов Сормы», «Славик») несут на себе следы литературы абсурда, где определяющим является не принцип типизации, а воля случая, обстоятельства. Так, к абсурдным героям близок Санька («Девушка с берегов Сормы»), разрушивший вполне реально возможную семейную идиллию. Ю. Скворцов, как художник и мыслитель, безмерно глубок, бескомпромиссен. Счастливые финалы и развязки, надуманные конфликты были не для него; он напряженно искал свое, находил и снова, с мучительной неудовлетворенностью найденным, шел непроторенными тропами.

Палитра писателя также богата символикой, на судьбе героев нередко отражаются какие-то мистические явления, приметы, предсказания, вещие сны. Природа же в художественном мире Ю. Скворцова играет компенсатор-

ную функцию, она уравнивает и восстанавливает нарушенную гармонию.

Проза Ю. Скворцова оказалась востребованной лишь в конце XX века, когда была объявлена гласность и отменена цензура. Но в такой ситуации сразу же может возникнуть опасность, когда каждый исследователь захочет искать и найти в творениях писателя то, что ему нужно. А после ухода из жизни, когда Мастер перестал раздражать литературных аристархов, настал какой-то период, когда критика замолчала и как будто вовсе забыла его имя. Между тем, скворцовские «золотые россыпи» лежали «под ногами», и пишущая братия вовсе не стыдилась (и по справедливости!) учиться у писателя творческому ремеслу. Скворцовское влияние явно прослеживается в прозе А. Емельянова («Дикая яблоня» и др.), Л. Таллерова, Н. Мартынова, Б. Чиндыкова и др., в том числе даже драматурга Н. Терентьева, не говоря о творчестве прозаиков следующих поколений. Время писателя с голосом удивительно чистым, совестливым, но творившего в период безвременья, наконец-то настало. Можно сказать, в произведениях писателя нет ни одной конъюнктурной строчки.

Мы, читатели, открывшие XXI век, являемся свидетелями столь знаменательного события, когда Время (высший судья) золотыми буквами вписывает имя Юрия Скворцова в один ряд с именами классиков национальной литературы: Константина Иванова, Михаила Сеспеля, Семена Эльгера, Педера Хузангая, Хведера Уяра. Таких, как Ю. Скворцов, обычно почетные звания и награды не дают. Да и сами они о прижизненной славе не думают — это сильно отвлекает от творчества, мешает реализовать полученное от природы. Талант счастлив в самом процессе словесного чудотворения.

Ю.М. АРТЕМЬЕВ,

*доктор филологических наук,  
профессор*